ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИВАН АРАМИЛЕВ

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Молодая Гвардия

1943

ИВАН АРАМИЛЕВ

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

Редактор *М. Дальцева*

Подписано к печати 26 IV 1943 г. 1¼ печ. л.-(1,95уч.-изд. л.)
37 800 зн. в печ. л. Л33771. Тираж 50000. Заказ 393.
Цена 45 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

I

Утром 22 июня 1941 года по тревоге летчики Н-ского полка бомбардировочной авиации выстроились на плацу. Командир полка, Герой Советского Союза, подполковник, сообщает, что без объявления войны германская армия атаковала границы Советского государства. Фашистские самолеты бомбят Киев, Севастополь, Каунас и другие города.

Командир ставит задачу: в ночь боевой вылет. Время для старта будет объявлено дополнительно. Летчики расходятся для подготовки к полету. У каждого одна мысль: «Только бы скорее в воздух! Встретить грудью врага».

К командиру полка подходит черноволосый, кареглазый, совсем еще юный младший лейтенант.

— Товарищ подполковник, — говорит он дрогнувшим голосом, — разрешите взлететь первым.

Командир сдвигает брови. Пристально смотрит на летчика.

— Первым? Так, так. А последним кто хочет лететь, младший лейтенант Молодчий? Есть такие? Нет! Ну, то-то! Идите в казарму. Штаб знает без вас, кого куда и когда.

Молодчий — помощник командира эскадрильи. Младшие лейтенанты Гаранин, Садовский, Соловьев, Нечаев, Полежаев, его погодки и ученики, взволнованные ходят

за ним, спрашивают, скоро ли вылет. Им тоже не терпится. Они рвутся в бой.

Ночной вылет не состоялся. На другой день летят все, кроме Гаранина, Соловьева, Садовского, Нечаева, Полежаева и Молодчего. Они слишком молоды. Летят в первую очередь «старички», пилоты «стотысячники», «миллионщики». Юнцам-комсомольцам велят обождать.

Александра Молодчего и всех юных летчиков откомандировали на военный завод. Там они получили самолеты новой конструкции, влились с ними в особую группу. Что это за группа — никто не знает. Спрашивают командира, когда на бомбежку. Он делает большие глаза.

— На бомбежку? А вы освоили материальную часть? Да кто вас пустит сразу на новых машинах? Над ними сперва попотеть нужно.

Переучиваются на новых машинах. Изо дня в день испытательные полеты. Боевых заданий все нет и нет. Машины отличные. Эх, поскорее бы взлететь с бомбовой нагрузкой! Какие счастливцы «старички»! Гвоздят и гвоздят немцев. Не успевают отдохнуть. А их, молодых и смелых, превратили в школьников.

— Неужели до конца войны тренироваться будем? — спрашивает Молодчий товарищей. — Обидно...

Да, им всем обидно. Они горячо обсуждают газетную информацию о подвигах советских летчиков. Самолет капитана Николая Гастелло подбит в воздушном бою над территорией противника. Прыгнуть с парашютом? Сдаться в плен? Капитан обрушил пылающую машину на колонны врага, погиб смертью героя.

— Я хочу дожить до победы над врагом, — говорит Молодчий. — Но если мне суждено пасть в боях за родину, я хотел бы встретить смертный час, как встретил его капитан Гастелло.

Их влили в полк бомбардировочной авиации особого назначения. Командир — полковник Н.

Ну до чего же им не везет! Снова учеба, тренировки. Молодчий тренирует летчиков гражданской авиации, призванных из запаса. В мирное время занимался этим с увлечением. Теперь — скучно. Его заедает тоска и зависть к тем, кто поднимается в воздух на боевой машине с подвешенными бомбами.

Он подает рапорт о переводе в действующую авиацию. Полковник, улыбаясь, кидает в корзину исписанный им листок бумаги.

— Терпение, юноша, терпение, — говорит он. — Война не завтра кончится. Придет и ваша очередь. Я сам рвусь в полет, а приходится возиться с вами. Что поделаешь? Молчу, терплю, подчиняюсь.

— Виктор Талалихин уже Герой Советского Союза,— говорит Молодчий, пытаясь хоть за что-нибудь уцепиться. — Он старше меня на год. На один только год!

— Год много значит, товарищ младший лейтенант.— Лучистые глаза полковника смеются. — Надеюсь, через год тоже полетите.

— А если к тому времени война кончится?

— Считайте, что вам не повезло.

— Виктор Талалихин давно летает. Он еще с финнами воевал. За финскую кампанию награжден орденом Красной Звезды.

— Бывает, бывает. Годы — не всегда мерило человека. Талалихин, Титенков и прочие — талантливые ребята. Вот и посылают в бой. А вы что такое? Уравнение с тремя неизвестными.

— Разрешите итти, товарищ полковник?

— Пожалуйста.

Молодчий выходит, как из бани, все в нем кипит.

Молодые попрежнему осаждают полковника просьбами об отправке в действующую. Он сердится.

— Чересчур много петушитесь, — говорит он, сощурив умные, с веселой хитринкой глаза. — Не сомневаюсь,

многие из вас — храбрые ребята. Но запомните: не всякий храбрый летчик будет хорошим военным летчиком. Для освоения машины новой конструкции опытному летчику требуется до тридцати часов, а вам тридцати дней мало. Вы понимаете, где служите? АДД — авиация дальнего действия. Нам предстоит совершать операции в глубоких тылах врага. Полеты будут исключительно трудные. Будем преодолевать расстояния, недавно считавшиеся рекордными, громить усиленно защищенные ПВО объекты. Такая задача — под силу летчикам высокой авиационной культуры. Так-то... Можете итти.

— Да мы всё уже изучили, товарищ полковник.

— Всё? — иронически спрашивает он. — Давайте-ка, проверим ваши познания.

Начинается пристрастный экзамен.

— Младший лейтенант Молодчий, расскажите о навигационных, метеорологических и аэрологических приборах.

Молодчий рассказывает. Полковник утвердительно кивает.

— О полетах и ориентировке по радиостанциям.

Молодчий рассказывает.

— О гироскопе и гироскопических пилотажных приборах.

Молодчему становится жарко. Все, о чем идет речь, он действительно знает. Однако пристальный взгляд полковника смущает его. Он сбивается, путает.

Полковник берет со стола увесистую книгу в синем переплете, раскрывает ее по закладке.

— Послушайте-ка, что умные люди говорят: «Отныне качество летчика будет измеряться не старой меркой «мужества», а новой меркой «знания» — знания самого самолета, среды, в которой он движется, и всего, имеющего отношение к авиации, как-то: аэронавигации, радиотехники, аэродинамики и т. д. И если эти знания жела-

тельны для полетов в мирное время, то во время войны они являются решающим фактором». Знакомы с этой книгой? Ассен Джорданов, американский специалист.

— Надо прочесть, — говорит Молодчий, разглядывая заголовок книги.

— Что? — грозно спрашивает полковник. — Прочесть? Нет, товарищ, так не выйдет. Читают газеты, а книги изучают. Это нужно знать. Подниму ночью с постели и буду экзаменовать. Да, да!

— Товарищ полковник, — умоляюще восклицает Молодчий, — ведь война идет, некогда ночи над книгами просиживать! Руки чешутся.

— Именно потому, что мы воюем, нужно сажать в кабину самолета знающих, образованных летчиков, а не «михрюток», летающих на «уру», — внушительно говорит полковник. — Выпущу я вас, неучей, в бой. Машину загубите и сами не вернетесь. Кому это нужно?

Молодчий выходит из кабинета, смятый логикой полковника. Желание немедленно включиться в бой не остыло в нем. Но в то же время он чувствует глубокую правоту полковника. Подмастерьям не место в авиации. Битвы будут выигрывать мастера. Надо стать мастером.

Он и его сверстники-комсомольцы учатся напряженно, не за страх, а за совесть. Вечерами проверяют друг друга.

Когда кто-нибудь из «старичков» возвращается с бомбежки и рассказывает о встрече с немецкими истребителями, Молодчий записывает все в блокнот, расспрашивает, как ведут себя в воздухе немцы, насколько силен огонь их истребителей, какова тактика. Литературы по этим вопросам нет, а ему нужно знать. Он ведь решил стать мастером, «ассом». Твердо решил.

Ему дали штурмана. Старший лейтенант Сергей Иванович Куликов. Плотный, коренастый, с ясными голубыми глазами и упрямым подбородком. Тоже воспитанник комсомола. Немного постарше Молодчего. За участие в

боях на Халхин-Голе награжден орденом Красной Звезды. Дрался с белофиннами. Чудесно знает машину и технику полета по приборам.

— Скоро полетим? — спрашивает Куликов. — Если тебя долго не пустят на линию огня, сбегу к другому летчику.

— Не придется бежать, Серега, — улыбается Молодчий. — Если дали штурмана, значит — битва не за горами. Завтра к моему самолету прикрепляют постоянных стрелков-радистов. Сержанты Васильев и Панфилов. Оба комсомольцы. Экипаж сформирован. ,

Экипаж тренируется в ночных полетах. То, что казалось легким в дневных условиях, выглядит сложным в темноте. Каждый маневр приходится как бы начинать впервые. Молодчий вводит машину в вертикальный вираж, в вертикальную восьмерку, в двойной вираж, имитирует вынужденную посадку, проделывает скольжение на крыло на большой и малой высоте, посадку на точность, посадку с работающим мотором, посадку при боковом ветре, взлет при боковом ветре, посадку с разворотом на 180 градусов, со спирали, с разворотом на 360 градусов. Штурман особенно настаивает на повторении маневров, связанных с вынужденной посадкой.

— Это же не спортивные трюки, — говорит он. — Это наш хлеб. Представим себе: нас подбили, но самолет еще слушается пилота. Надо садиться в не приспособленной для посадки местности. Ты садишься со спирали. С большой высоты спираль может быть очень крутой. Приближаясь к земле, надо уменьшать ее крутизну. При снижении постепенно увеличивай радиус витков и держи посадочную площадку все время в пределах нормального угла планирования. Спираль позволяет тебе царственно парить до тех пор, пока не сделаешь необходимых для посадки наблюдений, не облюбуешь, так сказать, подходящее местечко.

— Можно подумать, Сережа, что нам предстоят

каждый день вынужденные посадки, — иронизирует Молодчий.

— Допустим, будет одна вынужденная посадка в год, — отвечает Куликов. — Но когда и где она состоится, мы не знаем, товарищ пилот. В кустарнике? На крохотной лесной полянке, где грузовику развернуться трудно? На моховом болоте? В снежном поле? Всяко придется садиться. И на одно колесо сядешь. И на брюхо сядешь без выпуска шасси. А сесть мы, дорогой мой, обязаны так, чтобы сохранить машину, сохранить и себя.

— Есть, товарищ штурман, — соглашается Молодчий. — Будем тренироваться.

— А ты стрелков-радистов проверил? — спрашивает Куликов. — Заставь их упражняться наводкой. Пусть стреляют в тире. Требование — каждая пуля в цель.

Весь день тренируются в маневре над целью. Сергей неумолим. Заставляет повторять одно и то же десятки раз.

— Я не смогу поразить цель, — говорит он Молодчему, — если ты на боевом курсе допустишь «рысканье» машины или скольжение. При подходе к объекту, когда тебя обрабатывают зенитки, крутись, вертись как угодно, а выйдешь на цель — будь ласков: горизонтальный полет, неизменная высота и скорость. Сброшу груз — опять ты свободен в маневре. Снижайся, ныряй в вышину, набирай или уменьшай скорость.

Они выбирают условную точку в поле и заходят на нее, как при бомбометании. Скучное занятие, но что делать? Необходимо.

— К высотам всякого мастерства путь лежит через тернии, — шутит Сергей. — Ты думал, суворовское «тяжело в ученьи — легко в бою» к нам не относится?

— Ну, младший лейтенант Молодчий, — говорит полковник, — скоро выпущу вас на немцев. Имейте в виду,

вы — пробный шар. Не подкачаете — разрешу боевые вылеты всем «малышам». От вас зависит их судьба.

— Не подкачаем, товарищ полковник, — говорит Александр срывающимся голосом. — У меня штурман— золото. Отбомбимся наславу.

— Вот это мне не нравится,—обрывает полковник.— Еще не слетали, а хвастовство начинается. Увидим, какие вы бомбардировщики. Готовьтесь к полету.

Не чувствуя земли под ногами, Молодчий бежит к штурману, сообщает о разговоре с полковником. Куликов, улыбаясь, тихо произносит:

— Ну, Сашка, покажем свою прыть.

II

Задание: бомбить немецкий гарнизон в городке П. Летят в одиночку. Облачность. Резкий ветер. Штурман ведет машину по приборам. В районе цели кружатся двадцать минут. Городка нет и нет под ними, словно сквозь землю провалился.

Как это случилось — трудно понять. Проскочили над городком, не успев сбросить бомб. Он открылся перед ними с такой внезапностью, что они прозевали. Надо было с хода бомбить. Как на экране, мелькнули запруженные войсками улицы. Александр видит танки, грузовики, двуколки, лошадей, высокие немецкие фургоны, крытые защитным брезентом. Колонны солдат в серо-зеленых шинелях. Не то парад, не то митинг. Самое подходящее время для удара с воздуха. Зенитки молчат.

— Сашка, вот они! — кричит Куликов. — Эх, упустили!

— Вижу, — отвечает Молодчий. — Куда они денутся?

На окраине городка Молодчий делает разворот, чтобы выйти к центральной площади. Ударила зенитка, и

сразу бешено залаяли все пушки и пулеметы ПВО. Машину качает на волнах разрывов.

Колонны пехоты неподвижно стоят на улицах, на площади. Никто не прячется. Самолет на первом заходе не сбросил бомб, не пустил в ход пулеметов. Немцы, видимо, считают его разведчиком. Тем хуже для них.

— Командир, доверни вправо. — Голос штурмана глухо звучит в наушниках.

Александр доворачивает. Над площадью Куликов сбрасывает бомбы. Взрывы, один за другим. Влепили в самую гущу. На улицах паника. Уцелевшие солдаты и офицеры бегут во дворы, в переулки.

Зенитчики неистовствуют. Весь огонь ПВО — на одном самолете. Теперь облака разнесло, и немцы стреляют прицельно. Впереди, справа и слева — стены огня. Неужели сшибут? Неужели это первый и последний боевой вылет?..

Под огнем Молодчий делает два разворота. Ныряет вниз, вверх. Проскочить не удается. Надо схитрить. Он кладет машину на крыло и «падает». Маневр удался. Зенитки смолкли. Считают его подбитым. У земли, над крышами пригородных домиков, летчик выравнивает самолет, уходит в облака. Немцы спохватились. Опять бухают зенитки. Но теперь снаряды рвутся далеко позади, в стороне. Молодчий набирает высоту, выходит из зоны обстрела. На душе легко-легко. Хочется петь, кричать, топать от радости ногами. Враг понес огромные потери. Не одну сотню солдат и офицеров они отправили на тот свет. А сами живые, невредимые. Это называется коротким и звучным словом — победа! В наушниках взволнованный, по-мальчишески звонкий голос:

— Саша, поздравляю! — говорит штурман. — Для начала совсем недурно.

Вспыхивает лампочка у ящика пневмопочты. Александр вынимает записку. Васильев и Панфилов тоже поздравляют его и штурмана. После каждой фразы по три восклицательных знака. Стрелки в диком восторге.

— Что ж вы, черти, из пулеметов улицы не прочистили? — отвечает он им. — Приказа ждали? Ай-яй-яй!

— Товарищ младший лейтенант проморгали, — говорят они. — Мы всё истребителей немецких в небе высматривали. Про землю и забыли. Учтем. Честное комсомольское.

Благополучно садятся на своем аэродроме. Вылезают из кабин. Штурман стискивает руку Молодчего. Васильев и Панфилов по очереди обнимают пилота, лезут целоваться. У них возбужденные лица, глаза горят.

Они осматривают самолет. Бог ты мой, как его изрешетили! Пробиты киль, фюзеляж, множество пулевых и осколочных «ранений». От прямых попаданий на плоскостях громадные дыры.

Подходит механик, качает головой.

— Жарко было, ребята? — спрашивает он.

— Что было, то было, — отвечает Куликов. — Война, брат. Мы им тоже дали жизни.

Они идут рапортовать в штаб.

— Ну, Саша, — говорит штурман, — с тобой летать можно. Рука твердая, нервы крепкие. Машина тебя слушается. Одним словом, претензий к пилоту не имею.

— Ладно, ладно, — усмехается Молодчий. — За мнем. В следующий раз, когда посажу на территорию противника, посмотрим, что запоете.

— А я верю в тебя, — упрямо говорит штурман. — С тобою хоть на Берлин лететь не страшно. Дернем на Берлин или на Гамбург, а?

— Разрешат, слетаем и на Берлин.

— Из тебя выйдет «ас», Сашка, — не унимается Куликов.

Молодчий улыбается. Ему понятно, почему Куликов перебарщивает сегодня. Первый успех вскружил всем головы. Ведь еще вчера их именовали «мальчишками», боялись доверить машину с боевой нагрузкой. Они как бы опьянели немножко. Все преувеличивают. Завтра угар

пройдет, можно побеседовать спокойно. Бесспорно пока одно: они заработали право на дальнейшие полеты. Они — «взрослый экипаж». «Старичкам» придется потесниться и дать им место в боевом строю.

Так оно и случилось, как предполагал Молодчий. Штурман проспался, пришел в себя. С утра пилит Александра. Оказывается, заход на цель вчера был сделан неправильно.

— Эх ты, голова, заходил со снижением, — ворчит Куликов, расхаживая по комнате. — И если мы удачно отбомбились, — это вопреки тебе, твоей неловкости. Запомни, как дважды два: над целью горизонтальный полет, постоянная скорость. Иначе — срыв операции.

Александр знает это давно. Почему же вчера у него получилось не так? Выйдя на боевой курс, он забыл все наставления штурмана, забыл все, чему его учили старшие товарищи, командиры. Он видел перед собою немецкие колонны, которые хотел поразить. Он вел машину на врага, сближался с врагом, и все остальное перестало для него существовать в эти секунды. Он не чувствовал, что идет со снижением, с креном. Штурман прав. Надо взять себя в руки.

III

Полковник сдержал слово. Всем «малышам» разрешено летать на бомбежку. Молодежи дали дорогу. Для экипажа Александра Молодчего началась страдная пора.

После десятка дневных вылетов Молодчему предлагают стать «ночником».

Ночные полеты делают машину почти неуязвимой для истребителей противника. «Ночник» может уходить далеко во вражеский тыл. Но работа «ночника» связана со множеством трудностей. Она требует от пилота и штурмана большой авиационной культуры, высокого мастерства, выдержки, слётанности всего экипажа.

Александр Молодчий готовится к ночной операции. Первый ночной полет в стан врага. Бомбили военные

объекты города Н. Зенитки обстреляли самолет при переходе линии фронта и в районе объекта. Молодчий волновался. Вспышки разрывов близко. Казалось, каждый снаряд, пущенный с земли, несется прямо в самолет. Каждую звездочку на горизонте пилот принимал за фару истребителя. Куликов держался молодцом. Подтрунивал над Молодчим и стрелками-радистами.

— Это цветочки, ребята, — утешал он их, — ягодки впереди.

Но операция прошла удачно. Экипаж выдержал экзамен по ночному бомбометанию.

Теперь Молодчий работает и днем и ночью.

Бомбят железнодорожный узел П. Бешеная стрельба зенитных пушек, пулеметов. Смерчи огня вокруг машины. Стрелки-радисты бьют из пулеметов по наземным целям. Станция объята пламенем. Молодчий ныряет в облака, уходит из-под обстрела.

Ночной вылет. Бомбили аэродром в городе В. Операция удачная. Прямые попадания в «Юнкерсы», стоявшие рядами на посадочной площадке. Горит ангар. Горят бензохранилища, вспомогательные постройки. Зенитный огонь силен. Однако он уже не пугает Молодчего, как при первых вылетах. Он верит в свою послушную машину. Маневрирует так, что снаряды рвутся всегда позади или впереди.

Штурман все еще ворчит, что пилот «забывается» над целью, ведет машину со снижением или с нарастающей скоростью.

— Ты обрекаешь меня на адский труд, — говорит он. — Бомбу положить — не зайца дробью стрелять. Чуть уклонился, она пойдет бес ее знает куда. Подтянись, друг!

И Молодчий «подтягивается». Успехи не кружат ему голову. Он неустанно совершенствует свое мастерство.

Дневные вылеты становятся исключением. Комсомо-

лец «ночник» Молодчий наносит стремительные и точные удары по вражеским тылам. От его бомб горят ангары, бензохранилища, железнодорожные станции, склады боеприпасов, рушатся мосты, переправы.

Слава его растет. В полку Молодчего уже называют «ассом». Пожилые летчики признают его старшим братом, изучают его опыт, стараются подражать ему, заимствовать его «стиль».

— А ты исправляешься, — шутливо говорит штурман. — Сегодня подвез на цель что надо. Старайся, мальчик, не горячись. На нас смотрит весь мир.

Он летает с великолепным упорством, вдохновенно и страстно. Никакие препятствия не останавливают его при выполнении задания. Он не знает слов «невозможно», «трудно». Для него нет нелётной погоды. При любых условиях он нападает и поражает цель. Он выступает, как новатор в своей области, постоянно ищет новые приемы, новые тактические ходы воздушного нападения.

Однажды он бомбил немецкие автоколонны на дороге. Над целью облачность. Бомбы мгновенного действия разрешается сбрасывать с высоты не ниже 400 метров. С этой высоты цель под облаками не накрыть. Он рискнул снизиться до 200 метров. Штурман сбрасывает груз в середину колонны. Самолет качает взрывная волна.

— Опыт удался, — говорит он штурману. — При случае можно повторить. Поставлю вопрос о пересмотре уставного положения насчет предельной высоты для бомбометания.

Молодчий первый с успехом применяет «САБ» — световые авиационные бомбы — для освещения цели. С его легкой руки все «ночники» начинают работать с «подсвечиванием». Это дает прекрасный эффект.

Как-то под утро вернулись на аэродром веселые, возбужденные удачной бомбежкой танковых колонн врага. Молодчий спрашивает штурмана и стрелков-радистов, что они думают насчет второго вылета.

— С удовольствием, — отвечает экипаж хором. — Выпьем по стакану чая — и готовы.

Командование разрешает второй вылет. Вместе с Молодчим пойдет несколько эскадрилий. Молодчий должен их навести на цель. Объект — те же колонны врага. На аэродроме — предутренняя мгла. Взлетная площадка за ночь раскисла от дождя. Теперь чуть-чуть подмораживает. На плоскостях машины иней. Они, словно ковром, подернуты мохнатым ворсом. Это уменьшает скорость самолета. Но нет времени обмыть горячей водой плоскости. Молодчий решает взлететь.

Выруливает на старт. Техники показывают зеленый светофор. Взлет разрешен. Пилот дает полный газ. Машина, лениво покачиваясь, бежит по дорожке. Молодчий сразу понял, что взлет невозможен, а взлететь нужно во что бы то ни стало. Аэродром кончается. Видны заградительные огни. Машина бежит, не отрываясь от земли. Вдруг, качаясь, она повисла в воздухе.

«Оторвались, — подумал Молодчий. — Оторвались-таки...»

Сильный удар. Вспышка огня у моторов. Голубовато-красные искры.

— В чем дело? — спрашивает он штурмана.

— Похоже, кого-то или что-то сшибли, — говорит Куликов.

Молодчий убирает колеса. Выходит на курс. Спрашивает стрелков-радистов, идут ли за ними эскадрильи.

— Ничего не видно, — докладывает Панфилов. — Как будто никто не поднялся.

Молодчий делает разворот. Проходит над аэродромом. Там непонятная возня. Машины выруливают на старт и не взлетают. Он радирует на командный пункт, спрашивает, как быть.

— Машины не могут сразу взлететь, — отвечают ему. — Идите выполнять задание. Эскадрильи, поднявшись, пойдут вслед за вами.

Он выходит в район объекта. Штурман быстро отыскивает цель. Такая же, как при первом вылете, облачность. Опять сваливают груз с высоты 200 метров. Бьют из пулеметов, пока не кончаются патроны.

Оглядывают горизонт. Вот-вот должны появиться эскадрильи. Почему их нет? На развороте их обстреливает зенитка из танка. Беспорядочно палят в небо автоматчики. Движение колонны приостановлено. Эх, сюда бы еще хоть десяток бомбовозов!

Вернулись на базу. Молодчий докладывает заместителю командира дивизии о выполнении задания. Просит разрешить третий вылет.

— Как удалось вам взлететь? — спрашивают в штабе. — Ни одна машина не может подняться.

— Молодчий — колдун, — улыбается адъютант. — Он гипнотизирует моторы.

Разрешен третий вылет. Разгоряченные ночным боем, они готовы лететь сию минуту. Никто не заикается о бутербродах и стакане крепкого чая. Их пыл охлаждает инженер. Пока они рапортовали, он осмотрел машину. Обнаружена вмятина на плоскости. Сильно поцарапан винт. Оказывается, при взлете они повалили телеграфный столб, оборвали провода.

— Я вам говорил, кого-то сшибли за линией заградительных огней, — напоминает штурман. — Вы не верили. Хорошо — столбик податливый: чуть нажали — он лег. Могло быть хуже.

Машину ставят на ремонт.

IV

Важное задание. Они летят на северо-запад. Особенно тщательно готовились к вылету. Машина — в идеальном порядке. И вдруг на полпути что-то случилось с правым мотором. Сначала от него пошел дым. Затем показалось пламя. Молодчий попробовал затушить огонь скольжением. Но проделывать «трюки» с бомбовой нагрузкой не легко. Ничего не получилось.

— Самовозгорание,—говорит штурман.—Дело скверное.

От мотора огонь перекинулся на машину. Запылали плоскости. Дым проникает в кабину. Молодчий приказывает штурману сбросить бомбы «на пассив». Самолет еще шел над своей территорией. Фугаски летят в торфяное болото. Машина теряет высоту. Огонь — со всех сторон. Молодчий отдает экипажу приказание: «Прыгать с парашютами». Васильев и Панфилов прыгают.

— Ты тоже прыгнешь, Саша? — спрашивает Куликов.

— Нет, сяду и попробую спасти самолет, — отвечает он.

— Баки взорвутся, и ты сгоришь.

— Посмотрим.

— И я с тобой, — говорит Куликов. — Гореть, так уж вместе.

— Штурман Куликов, приказываю вам прыгать немедленно! — кричит Молодчий во весь голос. — За невыполнение приказания отдам под суд.

— Есть прыгать немедленно, — отвечает штурман. — Но ты, Саша...

— Прыгай без рассуждений, — повторяет пилот.

Куликов что-то подозрительно долго копается. Оказывается, заело замок. Люк невозможно открыть. Куликов с размаху ударил его в днище раз, другой. Люк раскрылся, и Сергей Иванович с высоты 180 метров опускается на землю.

Вот она, вынужденная посадка, о которой говорил штурман в первые дни знакомства.

Молодчий ищет площадку. Ничего подходящего нет. Лес, кустарники, холмы. Позади торфяное болото. А медлить нельзя: горит хвост. Машина идет с креном. Дотянул кое-как до луговины. На летчике вспыхивает одежда. Он садится возле копны. Правая плоскость задела эту проклятую копёшку. Самолет круто завернуло, летчик ударился головою о стенку кабины. Из разбитого виска хлынула кровь. Он открывает кабину, спускается

по горящей машине на землю. Погасить пламя нет надежды. Александр отползает в сторону. Через минуту, как предсказывал штурман, взрываются баки. Столб черного дыма над машиной. Она догорает, как факел. Молодчий стискивает зубы. Ему хочется плакать.

Подходят Куликов, Панфилов и Васильев. На них страшно смотреть. Унты, комбинезоны, шлемы — все измазано липкой грязью. Бедняги плюхнулись в незамерзшее болото. Промокли насквозь. Им, должно быть, холодно. Молодчий предлагает раздеться, высушить одежду над пылающими останками самолета.

— Мы-то ничего, — говорит, ляская зубами, Панфилов. — А вот вас не надеялись живым-то застать, бежали что есть духу.

Они достают бинты, делают ему перевязку. Обсуждают, в каком направлении двигаться. Из леса появляются два паренька-подростка. Оказывается, летчики сели в Ростовском районе Ярославской области. Недалеко деревня. Ребята приглашают их в гости. Молодчий окидывает догоревшую машину грустным взглядом и говорит:

— Пошли.

В деревне много эвакуированных ленинградцев. Нашлась женщина-врач. Она промывает рану и перевязывает Молодчему голову. Говорит, что черепная коробка цела. Трещин как будто нет. Прописывает постельный режим на несколько дней. Молодчий рвется в город, чтобы оттуда — на свой аэродром.

— Именем советской власти приказываю вам, товарищ младший лейтенант, — говорит врач: — никаких движений.

Летчики посылают телеграмму в штаб полка. Сообщают координаты. Вызывают «скорую помощь».

Александра Игнатьевича укладывают спать на печь. Колхозники тащат в избу молоко, сметану, яйца, угощают членов экипажа наперебой. Каждый просит обязатель-

но отведать его «приношение». Куликов, Панфилов и Васильев сидят за столом с раскрасневшимися лицами.

— Товарищ командир, — докладывает стрелок Васильев, — погибаем от гостеприимства местного населения. Если можете, спасите.

На другой день за ними прилетел на «Дугласе» полковник. Молодчий недоумевает, почему такая честь. Командир полка лично собирает аварийщиков... Но тут все мгновенно разъясняется. Вчера опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении экипажа. Александру Молодчему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Штурману Сергею Куликову — орден Ленина, Панфилову и Васильеву—ордена Красной Звезды.

Полковник поздравляет их.

Усаживаются в кабину «Дугласа». Тяжелая машина выруливает, плавно отрывается от земли. Летят домой.

На аэродроме поздравляют друзья. Всю ночь они волновались, ожидая самолет Молодчего. Многие считали экипаж погибшим.

— Дьяволы вы какие! — говорит закадычный друг Молодчего, младший лейтенант Гаранин, тиская их в объятиях. — Что мы передумали за сутки! Вы понимаете, погибнуть в этот день! Погибнуть, не узнав о награде! Ну, какие же молодцы, что вернулись целехоньки!

V

Они летят получать машины новой марки. Будут их осваивать, переучиваться. Экипаж недоволен. Опять отводят в тыл. Они и на старой машине чесали фрицев не плохо. Чего еще надо? Молодчий огорчен так, словно получил дисциплинарное взыскание. Садятся в объемистое чрево «Дугласа» мрачные и подавленные, будто едут на похороны. Одно утешение: новая машина будет лучше старой, можно наверстать упущенное.

— Вот что, ребятки,—говорит Молодчий экипажу.— Мы понимаем друг друга. Агитировать не буду. Сами знаете: в авиации ничего делать наполовину нельзя. Будем работать над освоением новой машины не «от» и «до», а круглосуточно. На двадцать дней запрещаю ходить в театры, в кино, в гости, вообще отвлекаться от дела.

— А с девушками встречаться можно?—робко спрашивает Васильев.

— Никаких девушек до конца войны, — отвечает со смехом Александр.—Забудем все, кроме того, что перед нами неизвестная машина, на которой завтра-послезавтра — в бой.

— Что ж, раз нельзя, значит нельзя, — вздыхает штурман. — Возражений не имеем.

Они испытывают скорость новой машины, скороподъемность, потолок, радиус действия, маневренность, расход горючего.

В эти дни напряженной тренировки экипажу вручили правительственные награды. Грудь Александра Молодчего украсили орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Вечером банкет. Провозглашено много хороших тостов. Поднимаются бокалы за вождя, за всех Героев Советского Союза, за советскую авиацию.

В вестибюле Молодчего обнимает незнакомый пожилой летчик. Он немножко переложил, и у него сильная «болтанка».

— Голубчик мой, — говорит он. — Научи, как стать героем. Очень прошу. Я стараюсь, но что-то не получается: то моторы сдадут, то объект не найдут. Почему ты удачливый? Какой секрет имеешь? Скажи.

— Приходи завтра, — смеется Александр. — Так и быть, скажу.

— Обязательно приду, — грозится летчик и с креном «отваливает» в сторону.

За выдающиеся заслуги в борьбе с немецкими оккупантами всему экипажу предоставлен месячный отпуск. Молодчий едет отдыхать в Кзыл-Орду. Туда эвакуирована его жена Александра Дмитриевна с дочуркой Галей.

По-разному отдыхают люди. Александр Игнатьевич не привык сидеть без дела. Отдыхая, он все время работает. Почти ежедневно выступление в клубах и школах. Приходят делегации малышей.

— Дяденька Герой Советского Союза, пойдем к нам, расскажи про войну.

И он идет рассказывать. Глазенки у ребятишек горят. Все слушают, затаив дыхание. Бояться шевельнуться.

— Ну, кем вы, ребята, хотите стать в будущем? — спрашивает он.

В ответ звонкие голоса:

— Летчиками! Танкистами! Инженерами!

Встречаясь с малышами, он как бы вновь переживает свое детство. Вспоминает школьные годы. Он родился и вырос в Ворошиловграде. Как и все дети, он любил игры, гонял голубей. С ранних пор обнаружилось в нем ненасытное влечение к авиации. Оно началось с авиамоделизма и планеризма. Сколько тут было неудач, огорчений!..

Он скоро перестал «играть» в авиацию. Потянуло на серьезное. Мечталось о профессии летчика-истребителя. Как он завидовал Джимми Коллинзу и Валерию Чкалову! Он много и усердно читал. Брался за трудные технические книги. Сморщив детский лобик, пыхтел над математическими формулами. Физика и механика, аэродинамика и метеорология занимали его. И как-то само собою получилось так, что он, пионер и шестиклассник по образованию, стал руководителем взрослых «дядек» по авиамоделизму. К нему обращались за советами. Шли на консультацию. Это было совсем недавно. А сколько воды утекло! Кажется, прошла вечность.

Юный кзыл-ординский авиамоделист Федя Д., узнав

о приезде знаменитого летчика, просит помочь ему наладить модель. Молодчий тряхнул стариной. Они с Федей уходят за город. Собирают модель. Проверяют положение центра тяжести. Устанавливают рули в нейтральное положение. Закрепляют винт на своем месте. Все готово.

— Дяденька, пошла! — вопит Федя. — Честное пионерское, пошла!

Однако он рано торжествует, будущий летчик или конструктор, которому, возможно, предстоит удивить мир своими делами. Модель приземляется поблизости. Какими-то сорочьими прыжками взлетает вверх от толчков о землю.

— Вот уже капризничает, — испуганно шепчет Федя.—И всегда они так. Делаешь, делаешь. Все расчеты правильны. Запустил — носом в землю.

Молодчий сдвигает стабилизатор в отрицательную сторону. Федя снова запускает модель. Теперь она летит немного лучше. Начинается беседа об авиатехнике..

К обеду они возвращаются в город. Чист и прозрачен воздух над Кзыл-Ордой. Большое, сверкающее солнце над степью. На горизонте — марево. Земля влажная и мягкая. Скоро начнут пахать. Федя смотрит из-под руки на звенящих в небе жаворонков. Курносое личико его избороздили морщины. Александр Игнатьевич улыбается. Ведь несколько лет назад он сам так же сравнивал жаворонка с планером и пытался разгадать секрет вертикального подъема птицы, штопором ввинчивающейся в небо.

— Кроме авиамоделизма, чем увлекаешься? — спрашивает Молодчий.

— Стихами, — признается малыш.

— Сочиняешь?

— Угу.

— Успешно?

— Нет, товарищ командир. Стенная газета не печатает.

— Стало быть, капотируешь.

— Капотирую, — улыбается мальчик милою, застенчивою улыбкой. — Редактор у нас дюже строгий. Эпигоном называет меня. Зачем, говорит, пишешь то под Маяковского, то под Блока? Пиши под себя.

— Он прав...

— Может быть, прав, но от себя у меня не выходит.

— А Блока любишь? Ну, прочти что-нибудь наизусть.

Мальчик останавливается. Несколько секунд думает. Губы его беззвучно шевелятся. Потом он как-то неуверенно произносит первую строфу из «Скифов»:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами.
Да, скифы мы. Да, азиаты мы,
С раскосыми и жадными очами.

Александр Игнатьевич садится на придорожный камень, слушает. У него странное отношение к этой поэме. Блок начинил ее пан-монголизмом. Она и нравится и раздражает. О мощи русского народа следовало бы написать иначе.

На окраине они расстаются. Молодчий идет к дому. Жена встречает его упреками.

— Где ты пропадал все утро? — ворчит она. — Приехал на три недели, да еще уединяется. Ужасно мило.

Молодчий рапортует о причинах долгого отсутствия. Она запрещает ему такие «неорганизованные» вылазки в природу.

— Александра Дмитриевна, — говорит он торжественно, — я полагал, что вам будет скучно с нами. Вы же не болеете авиамоделизмом. Я, грешный человек, впадаю иногда в детство. Вы — женщина трезвая. Поймите и простите.

— Не прощу, — объявляет она. — Все, чем ты занят, интересно и для меня. На охоту пойдешь — я с тобой. Рыбу ловить поедешь — я с тобой...

Он молча стоит перед нею. Она подходит к нему. Гладит маленькой пухлой ладонью его волосы и тихо спрашивает:

— Саша, тебе не страшно лететь туда, на войну?

— Страшновато, Шурочка, — говорит он, улыбаясь. — Но ведь наше дело такое: бояться — бойся, а немца бей. Привыкаем понемногу.

— А все-таки береги себя,—просит она, заглядывая ему в глаза. — Ежели что... Как мы без тебя? Галка подрастет. Будет спрашивать, где папа. Нет, нет! Не хочется думать об этом.

— Ничего с нами не случится, — отвечает он задорно, по-лугански. — Знаешь, что сказал мой штурман? «Тот, кто нас сшибет, еще на свет не родился».

Александра Дмитриевна качает головой и отправляется на кухню готовить обед.

До чего хороша весна в степи! Вечерами они уходят за город. Горизонт — в лучах заката. Дымится земля. В небе ни единого облачка. С юга летят нескончаемые табуны птиц. Гуси, лебеди, казары, утки... В тишине свистят проворные крылья. Далеко разносится тревожный покрик журавлей.

Изредка над ними проходят военные и транспортные самолеты. Александра Игнатьевича охватывает злая тоска. Земля прекрасна, и все же на ней скучновато. Он рожден для воздуха. За штурвалом самолета ему куда веселее. Он задирает голову в небо. Долго провожает глазами самолет.

...Ночью ему приснился сон. Посадочная площадка аэродрома. Возвращаются из полета машины его эскадрильи. Летчики рапортуют ему, поздравляют с приездом. Подходят вооруженцы. Докладывают, что его «Хабаровский комсомолец» (бомбардировщик, построенный на добровольно собранные средства хабаровской молодежи; на нем он бомбил врага в первые месяцы войны) готовится к вылету. Он идет за вооруженцами.

Возле машины стоит отец. Он работает на эвакуиро-

ванном военном заводе. Как он очутился тут, беспокойный старик? И почему у отца такое сердитое лицо?

— Мало бомб берешь, Сашка, — говорит отец. — Больше клади. Бомб хватит. Изготовляем боеприпасы круглосуточно. Твое дело — успевай отвози да бей без промаха.

— Стараюсь, папаша, — говорит Александр. — Спроси командование. Тебе скажут, как мы с Куликовым шерстим врага.

— Сколько немцев убил? — настаивает отец. — Докладывай по совести.

Александр называет приблизительную цифру.

— Подходяще, сынок. А ты еще поднажми. Отдыхать после войны будешь.

Подходят стрелки-радисты, штурман.

— По кабинам! — командует Молодчий во весь голос — и просыпается.

Жена толкает его в бок.

— Что с тобой? Дергаешься, кричишь...

— На бомбежку собирался во сне.

— О господи! — смеясь говорит Александра Дмитриевна. — Ну что за муж! Неужели наяву не налетался? Хоть во сне-то немного отдохни.

— Завтра вызываю ребят и сам еду в полк, — решительно произносит он. — Хватит бока пролеживать. Не такое время.

VI

Лётная практика Александра Молодчего и Сергея Куликова богата всевозможными приключениями.

Однажды самолет возвращался с задания на свой аэродром. Молодчий выпускает шасси. Заходит на посадку. Ночь. Слоистые облака. На высоте ста метров стрелки-радисты открывают огонь из пулеметов. Молодчий решил, что у них получилась «техническая ошибка». Спрашивает, в чем дело. Они, должно быть, не слышат.

— Над нами немецкий истребитель! — кричит штурман. — Внимание!

Александр Игнатьевич и сам уже понял, что произошло. Немец бьет из пушки и пулеметов. Зенитки открывают жаркий огонь. Молодчий набирает высоту. Некуда деваться. Они с «мессером» в кольце огня. Немцу плохо, но и им тоже не легче. Зенитчики хотят проучить «гостя» за нахальство. Они решили не выпускать его живым и не считаются со своими.

— Вот попали в переплет,—докладывает Куликов.— Смеху подобно. И его, сумасшедшего чорта, и нас — за компанию. Приятно падать на свой аэродром. Огни погашены.

Выбрав «наощупь» уголок посадочной площадки, Молодчий садится накоротке. И тут спасло его мастерство. Самолет побит осколками. Своими осколками.

— За что вы меня-то лупили? — спрашивает зенитчиков утром Молодчий. — Нехорошо, друзья.

— Не приводи на хвосте немцев, — смеются они. — Благодари бога, что не сшибли.

В редкие дни отдыха Молодчий и Куликов пишут письма родным, друзьям. Читают новинки военной и художественной литературы. Иногда на штурмана «накатывает» увлечение стихами. Он, увлекшись, становится, как одержимый. Встретится хорошее стихотворение, яркая строфа, доходящая до сердца метафора — он непременно прочтет ее вслух.

— Нет, послушай, Сашка, — говорит он. — Ей-богу, здóрово. Ты послушай. Чудное место!

На восток лениво смотрит обветшавший, старый храм...

Молодчий не выспался. Украдкой зевает в кулак. Штурман ничего не замечает. Откинув голову, напружинив корпус, он продолжает читать стихи о Мандалее. В маленькой комнате глухо звучит его голос. В тиши-

ну падают увесистые слова, напоминающие восточную песенку, и удары гонга, и мелодию банджо:

Всё давным-давно минуло, и прошло немало дней,
А из Лондона не ходят омнибусы в Мандалей.
И теперь я понимаю, что солдаты говорят:
«Кто услышал зов Востока, тянет всех туда назад».

Он кончил. Смотрит на Александра вопросительно.

— Ну, что вы скажете, король воздуха? Может, после войны слетаем в Мандалей? Посмотрим девушек из Бирмы? На слонов поглядим?..

Пора обедать. Они отправляются совершать предобеденную прогулку. Легкий морозец. Над ними звонкое небо. По бокам тропинки стоят заиндевевшие клены и тополя. Молодо сверкает выпавший ночью снег.

VII

Полет на Кенигсберг. Это древнейший город Германии, основанный Тевтонским орденом во время похода на Восток. Теперь — арсенал гитлеровской армии, база военной промышленности, машиностроения, судостроения. Город мракобесия и реакции, до войны он был очагом антисоветских интриг. Он получит первый удар.

Метеорологи предсказывают плохую погоду. Все-таки решили лететь. Плохая погода имеет свои плюсы: советских летчиков не ждут, на путях не барражируют истребители, не так страшен огонь зениток.

Как повелось с некоторых пор, Молодчий идет один. Сзади, с большими интервалами, следуют эскадрильи бомбовозов. Когда экипаж Молодчего подожжет и осветит объект, подойдут ведомые.

На пути облака. Молодчий пытается обойти с юга — не удается. Идет на север — там еще хуже: не видно ни земли, ни звезд.

— Придется лезть в облака, — говорит Сергей Куликов.

Идут по приборам. Снегопад. Температура опасная: от 0 до 7 градусов. Машина понемногу обледеневает.

Они набирают высоту: ибо чем холоднее, тем безопаснее. Молодчий радирует в штаб части: «Продолжаю полет в облаках».

Летят в пурге. Медленно тянется время.

— Сколько до цели? — спрашивает Молодчий штурмана. — Мне кажется, мы перевалили за нее.

— Триста километров с гаком, — утешает его Куликов.

— Я выбился из сил, Серега. Мокрый, как суслик.

— Терпи, друг. Долетим.

— Под нами Кенигсберг, — докладывает штурман.— Внимание!

Усталость мгновенно проходит. Цель под ними. Она закрыта облаками. Ходят над целью с расчетом вызвать зенитный огонь и убедиться, что не ошиблись. С земли стреляют. Очень хорошо.

Они снижаются. Сбрасывают «САБ» и фугаски. В облаках — вспышки разрывов. Поворачивают на обратный курс. Весело гудят моторы. Опять пробивают облака. Уходят вверх. Облачность не кончается и там. Идут на север. Попадают в грозовые облака. Болтает. Трудно вести машину. Молодчий чувствует небывалую усталость. Нюхает нашатырный спирт. Достает термос, выпивает стакан горячего чая с лимоном. Становится легче. Поднимаются до восьми тысяч метров.

Летят в кислородных масках. Снижаться нельзя. Можно обледенеть. Стрелки-радисты докладывают:

— Кислорода осталось на пятнадцать минут.

Молодчий приказывает экономить кислород. Закрывает аварийный краник. Лететь все тяжелее.

Около восьми часов пробыли в облаках. Туда и обратно — слепым полетом. Переходят линию фронта.

Земля под самолетом, как море в зыби редкого утреннего тумана.

— «И жизнь хороша, и жить хорошо», — вспоминает Маяковского Куликов.—И летать хорошо, и немца бить

хорошо. Да здравствует солнце, да сгинет проклятая немчура!

Садятся на запасной аэродром. Отдыхают. Заправляются горючим. Через тридцать минут — на своей базе.

В штабе поздравляют. Штабисты говорят, что комсомольский экипаж совершил рекордный боевой полет.

— Трудно было?

— Трудно, — говорит Александр Игнатьевич. — Но если нужно, хоть завтра снова полетим. Экипаж здоров. Ненависть к врагу кипит в сердцах.

Через три дня — опять на Кенигсберг. Тихая лунная ночь. Но они знают, что и этот полет будет нелегким. Небо постепенно меняется. Луна скрылась. Входят в облака. Они лежат над землею двумя слоями. Первый достигает высоты четырех тысяч метров. Второй — от пяти до восьми тысяч метров. Идут в щели между облаками. Эта щель постепенно сжимается, облака облепляют машину, как вата. Температура падает. На кромках крыльев, на стеклах кабины, на лопастях винта и расчалках хвостового оперения кристаллизуется лед. Струя воздуха, обтекающая машину, не оказывает на него влияния. Молодчий включает антиобледенители карбюраторов правого и левого моторов.

Молодчий бросает машину вправо и влево. Нет, им сегодня не везет! Район «худой» погоды слишком велик. Маневренность самолета связана лимитом горючего. Решают пробиваться по прямой.

Они набирают высоту. Самолет неохотно ползет вверх. Выдержат ли антиобледенители поединок с природой?

Куликов советует снизиться. Молодчий спускает самолет до трех тысяч метров. Попадают в теплый слой воздуха. Ледяной покров тает. Порывами налетает боковой ветер. Отчаянная болтанка. Земли не видно. Пользоваться астрономической и визуальной ориентировкой невозможно. Но они точно идут по курсу. Куликов ловит звуки

радиостанций и, как всегда, верно определяет кратчайшую дорогу.

Стартовали целой группой. Сперва летели вместе. Теперь вокруг них ни единой машины. Льет дождь. В облаках разряды электричества. Огненные вспышки то справа, то слева. Машина вздрагивает, как от ударов. Оглушительные раскаты грома, в которых тонет гул моторов. Дождь сменяется крупным градом. Сверкает молния. После вспышки становится совсем темно, и в этой грозовой темноте видно, как светятся наэлектризованные металлические части самолета. По стеклам и антеннам пробегают огненные змейки. В кабину струится вода.

Вертикальные токи воздуха бросают самолет вниз. Происходит быстрое и неожиданное изменение высоты полета. В приборах скачки и колебания. Машина испытывает большую перегрузку.

— Не шарахнет в антенну? — спрашивает Куликов.

— Не посмеет, — ободряет его шуткой Молодчий.

Случаи «попадания» молнии в самолет в самом деле редки. Но можно оказаться в центре электрического разряда, и тогда не сдобровать.

Болтанка становится невыносимой. Они снижаются. Некоторое время идут над землей. Затем поднимаются до тысячи метров. Над ними — гроза. Освежающий этот июльский ливень с фейерверком оранжево-синих молний приятен на земле. Им он мешает. Истребитель взвился бы вверх, прошел над облаками.

Однако забираться ввысь с бомбовой нагрузкой рискованно.

Панфилов принимает радиограмму из Москвы. Штаб части приказывает обойти грозу и следовать к цели. Они отвечают: «Есть».

— Где находимся? — спрашивает Куликова Молодчий.

Штурман называет пункт и добавляет:

— Скоро Западная Двина. Смотри вниз.

Грозовые облака поредели. Дождя нет. Через несколько минут действительно мелькнула под самолетом река. Штурман не ошибается.

Идут на запад. Штурман прокладывает курс на порт Х. Ровно гудят моторы. Каждая минута приближает к цели. Куликов ловит передачи радиостанций. Они помогают ему ориентироваться.

Под ними Балтика. В море — шторм. На горизонте ни суденышка. Штурман командует:

— Развертывай!

Молодчий берет заданный курс. Поднимается до облаков. Ловят радиостанцию. В наушниках — игривая мелодия. Гансы и Гретхен веселятся. Они еще ничего не знают. Скоро бомбовой удар потрясет город, и диктор, много раз объявлявший об уничтожении советской авиации, первый ринется в убежище.

Мелькает земля. Темные силуэты города. Кенигсберг. Очевидно, звукоуловители поймали самолет. Сигнал воздушной тревоги. В городе гаснут огни. Начинают работать зенитки.

Заходят на цель. Штурман говорит: «Бросаю». Открываются бомболюки. Корабль встряхивает. Густые вспышки зениток. Бомбометание закончено. Прорываются сквозь огонь ПВО, набирают высоту и делают круг над городом.

Подходят ведомые эскадрильи. Один за другим следуют бомбовые удары. Наступил час возмездия для Кенигсберга. Гибнут военные объекты. Город в огне, в дыму. Пусть дрожат в своих норах подлые немки, мечтающие о посылках с Восточного фронта. Их накормят. Впереди много ночей. Все фашистские города получат свою долю гостинцев. Советские пилоты не обойдут никого. Они щедры на месть. Воздадут сторицею за Минск, Смоленск, за Одессу, за Киев и Севастополь.

Молодчий кладет корабль на обратный курс. Машину немного поцарапали осколки, а в общем «все в порядке». Гроза кончилась. Молодчий ожидает ликующих возгла-

сов штурмана. Вместо этого в наушниках родная мелодия:

До свиданья, города и хаты,
Нас дорога дальняя зовёт...

Куликов поет, захлебываясь от полноты чувств. Облегченный корабль легко и плавно несет их под облаками. Хорошая ночь! Удачная ночь! Скоро они будут дома. Молодчий обнимет Сергея Ивановича и скажет ему, какой он, «дядя Серега», все-таки молодец. Дай бог всякому пилоту такого штурмана! С ним в любую погоду можно лететь хоть к чорту на рога.

23 июля 1942 года во всех газетах под шапкой «Новый налет наших самолетов на Кенигсберг» напечатано:

«В ночь на 21 июля группа наших самолетов в сложных метеорологических условиях бомбардировала военно-промышленные объекты г. Кенигсберга и его района. В результате бомбардировки в городе возникло 6 очагов пожара и произошло 4 сильных взрыва».

VIII

Летят на Данциг. Приятная погода. Луна льет на землю ровный синевато-матовый свет. Ветра нет. Прекрасная видимость. Подходят к объекту на заданной высоте. Видны пожары. Это «поработали» эскадрильи, ушедшие сегодня впереди Молодчего.

— Что ж, поддержим товарищей, — говорит штурман.— Добавим огонька и перца с горчицей. Твой черед, Данциг.

Зенитки встречают их за городской чертой. Ловят прожекторы. Слепящие лучи скрестились на машине. Разрывы кругом усиливаются. Молодчий увеличивает скорость. Снижается. Прожектористы передают самолет друг другу. Но, ловко маневрируя, машина «выскакивает» из лучей. Панфилов то и дело докладывает, где рвутся снаряды. Молодчий напряженно работает педалями и штурвалом. Самолет послушно виляет, вводя в

заблуждение ПВО. Видна цель. Александр выравнивает полет. Успокаивает машину. Штурман сбрасывает «груз». Все кончено. Операция завершена.

Ныряют в окна между разрывами зенитных снарядов. Теперь домой. Отдыхать.

Полк приказом Народного Комиссара Обороны преобразован в Гвардейский. За год полк сделал 2 500 боевых вылетов. Из них ночью — 1 786. На военно-промышленные объекты и живую силу врага сброшено около 3 тысяч тонн бомб. В воздушных боях стрелками-радистами сбито 24 истребителя противника. Сожжены и разбиты на аэродромах сотни вражеских самолетов.

Экипаж майора Чумаченко сделал 154 боевых вылета без единой аварии. Капитан Симонов — 150 вылетов. Майор Краснухин, капитан Тюленев, старший лейтенант Гаранин и другие «догоняют» Симонова.

В полку два Героя Советского Союза, 172 орденоносца.

Иосиф Виссарионович Сталин высоко оценил работу летчиков, штурманов, стрелков, инженеров и техников части. Все радостно взволнованы. Поздравляют друг друга.

Сталинская воздушная гвардия! Это надо заслужить.

— Саша, мне даже страшно становится, — говорит штурман, развертывая газету с приказом НКО. — Какая ответственность ложится... Конечно, Гречишкин, Гаранин, Симонов, Тюленев, Андреев, Чумаченко и другие — летчики первоклассные. Но придется еще подтянуться. Кто хоть чуть запятнает гвардейское знамя—погоним из части.

Разрешен полет на Берлин. Они давно готовились к нему. Столько месяцев мечтали об этом. И когда уже чуть-чуть охладели к этой несбыточной мечте, как к чкаловскому замыслу лететь «вокруг шарика», их обрадовали таким неожиданным решением. У штурмана сияющее лицо. Выбирают карты. Уточняют маршрут. Готовятся к полету.

Молодчему звонят по телефону, предлагают беседовать с пленными немецкими летчиками.

Немцев двое: пилот и штурман. Оба молодые, не старше двадцати пяти лет. Молодчий спрашивает, где и как их подбили. Оказывается, недалеко от линии фронта. Штурман, низкорослый, белобрысый, с блудливым взглядом, охотно отвечает на все вопросы. Ругает Гитлера. Называет себя выходцем из рабочей семьи. Он сочувствует русским и очень рад, что попал в плен. Это был его первый полет на восток, и хорошо, что он так закончился. Он не сбросил на головы русских ни одной бомбы. Интересуетесь ПВО Берлина? Пожалуйста. Он ничего не скрывает. Душа нараспашку. Но Александр скоро убеждается, что парень бессовестно врет.

Молодчий переходит к беседе с пилотом. Это матерый бандит, «асс» из воздушной шайки Германа Геринга. Хмуро разглядывает ордена и «Золотую Звезду» советского летчика-комсомольца.

— Вы Герой Советского Союза?

— Да.

— Хотите лететь на Берлин?

— Хочу.

— Я не советую вам, — говорит он, подергивая плечами. — В данном случае говорю не как немец, ваш противник, а как летчик-профессионал.

— Почему?

— Сшибут.

— Это бабушка на-двое сказала.

— Обязательно сшибут, — тупо повторяет он, не сводя с Молодчего настороженных глаз. — Берлин недоступен для ударов с воздуха. Он в кольце зениток. Может быть, вам и удастся прорваться туда, но обратно не выйти. Вы знаете, сколько мы посшибали над Берлином англичан? Теперь «Томми» не отваживаются больше атаковать столицу Германии.

— А вот мы отважимся.

Немец делает кислую мину, высокомерно улыбается:

— Это будет ваш последний полет.

Молодчему противно спорить с этой чванливой свиньей. Завтра он ответит ей фугасками.

Курс на Берлин. Летят с максимальной бомбовой нагрузкой. До линии фронта — грозовая облачность. Находят коридор в облаках. Устремляются в него. Справа и слева гроза. Над ними — звездное небс. Так идут около двух часов.

Облака разнесло. Пролетают над городом Н. Его кто-то из наших основательно «долбанул». Пожары. Вспышки зенитных разрывов. Прожекторы шарят по небу.

Сильный встречный ветер. Машину качает. Трудно итти. Увеличивается расход горючего. Летят молча. Каждый из членов экипажа в эти минуты думает о своем. А все об одном: как бы поудачнее отбомбиться, чтобы Берлин долго вспоминал посещение краснозвездных бомбовозов. Посоревнуемся с англичанами.

— Внимание! — говорит штурман. — Подходим!

Перед ними Берлин. Огромный черный город. Он затаился во тьме, как спрут. Молодчему кажется, что он чувствует его гнилое, зловонное дыхание. Видит настороженные глаза, объятые злобой и страхом. Рассадник заразы и смерти. Берлин не может спать спокойно. Его трясет лихорадка войны.

Их ловят прожекторы. Александр нажимает левую педаль. Уклоняется в сторону. Кладет машину на боевой курс. Волнение сжимает грудь. Волнуется он не от страха, что его сшибут. Нет, нет! Он боится, не промазать бы. Не сплошать бы в последние секунды. Обидно будет, если бомбы разорвутся на площади, на пустыре. Первый налет на Берлин нужно завершить отличным ударом. Он заслужил его, прокаженный город. Завтра весь мир узнает об этом налете. Радостно вздохнут мил-

лионы истерзанных гитлеровскими шакалами людей. Матери, потерявшие детей, благословят летчиков, как мстителей и борцов за правое дело.

Бомбы отрываются от машины. Ложатся в цель. Самолет опять ловят прожекторы. Сотни прожекторов. Ведомые запоздали. На горизонте — ни одной машины. Молодчий один над городом. Вся система ПВО Берлина ощетинилась против него. Зенитки работают. Жесточайший шквальный огонь.

Несколько минут идут в лучах прожекторов. Надо выйти из лучей. Изо всех сил работает педалями и штурман. Стрелки-радисты сперва докладывают о разрывах с той или другой стороны. Потом умолкают. Молодчий маневрирует на свой риск.

— Хэлло! — говорит он. — Спать улеглись, что ли?

В шлемофоне голос Александра Панфилова:

— Товарищ командир! Сотни разрывов со всех сторон. Внизу и вверху разрывы. Бесполезно наблюдать за воздухом. Ведите машину, как знаете.

— Я-то знаю, как вести. А вы не вешайте нос. Передайте радиограмму: «Москва. Сталину. Нахожусь в районе Берлина. Задание выполнено. Молодчий».

Москва отвечает: «Ваша радиограмма принята. Все понятно. Желаем благополучного возвращения».

Много километров идут в лучах прожекторов, под огнем зениток. Прорвались. Ушли.

Идут по визуальной ориентировке. Стрелки-радисты запевают песню. Штурман тоже поет. Молодчий чувствует свинцовую тяжесть в ногах. Усталость сковывает тело. Слипаются глаза. Нюхает нашатырь.

Проходит линию фронта.

В городе А. садятся на аэродром добавить в баки горючего. Только спустились из кабин, Молодчий увидел — взлетают истребители. Догадываясь, в чем дело, он командует: «По кабинам!» Круто поднимает машину в воздух. Над аэродромом немецкие бомбардировщики. ПВО стегает по ним снопами огня.

Немцев отогнали. Молодчий снова садится. На месте первой посадки — громадная воронка, метров тридцать в диаметре: упала тысячекилограммовка.

— Вы в рубашке родились, — говорит подошедший механик. — Когда вы поднимались, она уже свистела под облаками. Несколько секунд спасли вас. Молодцы, ребята!

Жена Сергея Куликова Лидия Николаевна, мать Надежда Борисовна и пятилетний сын Юра погибли на юге от рук гитлеровцев. Земляк сообщил ему об этом в письме. Штурман сидит у стола, подперев подбородок ладонью. У него окаменело-суровое лицо. Брови сдвинуты к переносью.

— Тяжело, Серега, — говорит Молодчий и гладит его, как ребенка, рукою по голове. — Крепись, мальчик. Отомстим за все. Кровь за кровь. Посмотрим, сколько немцев останется на земле после войны.

— Ни одного не должно остаться, — каким-то хрипловатым, незнакомым голосом произносит Куликов. — Ни одного, Саша. Это не люди. Нет, не люди! Ядовитые, мерзкие гады.

Куликов молча сидит на диване. У него хмурый, тяжелый взгляд. Курит папиросу за папиросой. Вздыхает. Надо чем-то отвлечь его от мрачных мыслей и настроений. Александр не знает, как это сделать.

Вдруг штурман вскакивает с дивана.

— На бомбежку! Немедленно в полет!

— Погода нелётная, — говорит Александр мягко, сознавая всю слабость аргумента.

— Вот как! — восклицает Куликов. — И это смеет говорить капитан Молодчий? Не ослышался ли я? Мы летали с тобой в туман, в дождь, в снегопад. Было можно. А сегодня нельзя?

— Летать можно, Сережа, а прицельно бомбить трудно. Мы не имеем права впустую расходовать боеприпасы. Командование не разрешает вылет, стало быть, нельзя.

— А ты все-таки сходи, попроси, — настаивает штурман. — Скажи в штабе: сердце не выносит. Враг заливает кровью нашу землю. И мы жаждем крови. В воздух, Саша! Долой жалость!

— С тобой нельзя лететь сегодня, — говорит Александр. — Ты не в себе. Чехов сказал: «Когда садишься писать рассказ, будь холоден, как лед». Это относится и к нам, летчикам. Понимаешь? Твой мозг возбужден. Ты можешь сделать ошибку. А летчик ошибается над территорией противника только раз в жизни. Мы оба еще нужны родине. Я не хочу и не могу лететь с тобою сегодня, майор Куликов. Ясно? Ну, все.

Штурман смотрит на него растерянным взглядом. Мнет в руке недокуренную папиросу. Опять вздыхает.

— А завтра полетим, Саша?

— Полетим, — отвечает Александр. — Если успокоишься — полетим.

Они начинают вместе разбирать почту. Множество писем со всех концов страны. Пишут женщины, старики, пионеры, бойцы и командиры. Благодарят за бомбежку германских городов.

«Сердца наши наполняются радостью, когда мы читаем в газетах, что большая группа советских самолетов бомбардировала очередной немецкий вертеп, — говорит в письме Мария К. — Мы аплодируем вам, дорогие товарищи. У меня два сына на войне. Дерутся неплохо, и я горжусь ими. Горжусь и вами, славные летчики. Мстите за муки, за боль родины. Не жалейте бомб. Пусть содрогнется враг от ваших налетов. Привет вам, родные».

У Молодчего влажные глаза.

— Велика у нас, Серега, семья, — говорит он. — Породнились мы со всей страной.

— Вся страна, как единая семья, — отвечает штурман. — И она приказывает нам: бейте немца, крепче бейте.

— Воюем, как можем,— тихо произносит Молодчий.— На-днях 1943 год встречать будем. Итоги у нас не плохие.

— У нас сто восемьдесят боевых вылетов, — говорит Куликов, перелистывая записную книжку. — Мы прошли над территорией врага сто девяносто тысяч километров. Сбросили свыше двухсот тонн бомб на различные объекты. Мы отстаивали Москву, дрались на харьковском и воронежском направлениях, под Ленинградом и Сталинградом. Летали в Германию, Венгрию, Румынию. Карта «путешествий» комсомольского экипажа выглядит внушительно. Надеюсь, до конца войны мы еще увеличим наш счет.

— Постараемся, — улыбается Молодчий.

...Текут дни, недели, месяцы. Суровые и трудные месяцы войны. В боях с врагами растут, мужают люди. Безвестный в начале войны младший лейтенант Александр Молодчий уже гвардии капитан, Герой Советского Союза, которого знает и любит вся страна.

Как заместитель командира эскадрильи, капитан Молодчий в свободные от полетов дни занимается обучением и воспитанием молодых летчиков.

Просто, убедительно, вдохновенно рассказывает он, как надо держать себя в дальнем полете, в грозовых облаках, при обледенении машины, под огнем зениток, в лучах прожекторов, при встрече с вражеским истребителем, о маневре над целью, о принципах бомбометания. Боевой опыт прославленного комсомольского экипажа становится достоянием всей бомбардировочной авиации дальнего действия.

За выдающиеся заслуги в деле борьбы с немецкими оккупантами и проявленные при этом доблесть и геройство Указом правительства от 1 января 1943 года Александр Молодчий награжден второй медалью «Золотая Звезда». На родине дважды Героя Советского Союза будет установлен бронзовый бюст Александра Молодчего. Штурману комсомольского экипажа гвардии майору Сергею Куликову присвоено звание Героя Советского Союза.

Цена 45 коп.